

ревями, кустарником', 'дальний покос в лесу'. Слово распространилось вплоть до Сибири (см.: [Даль, 4, 357]).

Коми л. *сузьом* 'тёмный, дремучий лес', нв. *сузем* 'даль' [ССКЗД, 349], иж. *суз'имка* 'место зимовки оленей' [ИД, 215].

Приб.-фин.: фин. *systä* 'лесная глушь; сплошной удаленный лес' [Kalima, 221].

Я. Калима считает русское слово заимствованным из прибалтийско-финских языков и подвергшимся на русской почве воздействию народной этимологии с вычленением префикса *су-* и корня *-зём* [Kalima, 221–222]. Близость значений русского и финского слов при трудностях объяснения семантики на русской почве в пользу этой этимологии. Коми лексемы, безусловно, заимствованы через русское посредство, поскольку отражают фонетику русского оригинала [КЭСК, 265].

12. Рус. *тайбала* 'дальний, дремучий лес', 'заболоченный лес', 'зимник'; *тайбало* 'дальний, дремучий лес', 'болотистое место'; *тайбол* 'дремучий лес'; *тайбола* 'расстояние в тайге между селеньями', 'дальняя дорога, тропа (через лес, болото)', 'дальний дремучий лес', 'болотистое место', 'поляна'.

Коми иж., уд. *тайбала* 'обширные лесные пространства с проложенной через них дорогой, где, кроме станций и лесных избышек, нет никакого жилья', печ. 'горная лесная глушь' [ССКЗД, 363], иж. *тайбала* 'промежуток пути в лесу между привалами (6–7 км.)' [ИД, 220].

Приб.-фин.: карел., ливв., люд. *taival*, *taibal*, *taibaleh* 'путь, расстояние; переход (напр., из деревни в другую по глухой лесистой местности); перешеек между двумя водоемами', 'полоса земли; участок покоса', фин. *taipale*, *taibal* 'путь, расстояние; переход (часто долгий по необжитой местности); узкий перешеек между водоемами; волок' [ПФГЛ, 93–94].

Рус. < приб.-фин. [Kalima, 223; Фасмер, 4, 12]. В русских говорах фиксируются как значения, близкие к прибалтийско-финским ('расстояние в тайге между селеньями', 'дальняя дорога, тропа'), так и производные от них на русской почве ('дальний дремучий лес', 'заболоченный лес'). Коми < рус. [WU, 270; КЭСК, 277].

О. В. Мищенко

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА ДИАЛЕКТНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Для современной семантики подход, связанный с реконструкцией и анализом семантических систем бесспорно является актуальным, поскольку выводит к решению целого ряда глобальных лингвистических проблем, таких, как выявление фрагментов понятийной сетки носителя языка, экспликация отраженных в языке представлений о членении действительности, реконструкция на базе языковых данных картины (модели) мира, типологическое сравнение языков (а отсюда – моделирование древних семантических систем, являющееся одной из составляющих этимологических исследований), исследования в области взаимодействия языков и др.

Лингвистами разработан (в большей или меньшей степени) ряд методов исследования семантических систем: компонентный и дистрибутивный анализ, анализ семантических полей, идеографический подход и др. При семантических разысканиях успешность применения тех или иных методов зависит как от целей, так и от объекта исследования, который может накладывать свои ограничения на процедуру анализа. Так, если к данным литературного языка и говорам при морфологическом или синтаксическом анализе в принципе могут быть применены одинаковые методики исследования, то в качестве объекта семантического анализа названный материал не может считаться однотипным.

Думается, что особенности диалектной лексики как объекта семантического анализа вытекают, во-первых, из общих особенностей территориального диалекта как формы существования языка и, во-вторых, связаны с работой собирателя.

Следствием ненормированности и устной формы бытования территориального диалекта является, в частности, сильная подвижность и даже текучесть семантики, характерная для многих областей лексической системы. Подвижность семантики проявляется, с одной стороны, в узости ареала определенного значения лексемы, а с другой – в размытости понятийных границ по сравнению с литературным языком. Нечеткость понятийных границ обнаруживает себя, в частности, плохо структурированным денотатом, что характерно для целого ряда лексических областей. Неопределенность денотативных границ имеет своим следствием «колебания» сигнификативной семантики, а это в ряде случаев может привести к появлению нового значения. Так, например, по данным лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета в говорах Архангельской и Вологодской областей фиксируется семантический переход 'труднопроходимые заросли кустарника конкретного вида (ивы, ольхи и др.)' → 'труднопроходимые заросли любого кустарника или мелкого леса'. Зафиксированные в полевых материалах контексты указывают на возможность таких смысловых сдвигов для большинства названий конкретных кустарников, а для лексем *лешняг* ('заросли ольхи'), *осинник*, *роkitняк* расширенная семантика отмечается в качестве языкового значения. Таким образом, компоненты значения, связанные с видом растения, в основном денотативные, могут «теряться» за семантикой 'труднопроходимые заросли'. Наиболее ярко подвижность семантической системы проявляется в условиях макротерритории.

Помимо собственных особенностей диалектной семантики, сложности обнаруживаются также при работе собирателя, одной из основных задач которого является вычленение в процессе сбора собственно языковой семантики, в частности, адекватное описание сигнификативного компонента, что не всегда получается. Это связано с целым рядом объективных причин: уверенность в правильном понимании значения лексемы базируется на неоднократном сборе слова в процессе работы, но такой сбор может быть затруднен утратой лексемы из словаря большинства диалектоносителей, стертостью ее семантики, временной ограниченностью полевых выездов, задачами, стоящими перед собирателями, а отсюда – предпочтениями при опросе и т.д. Общеизвестно, что факторами, приводящими к неадекватному толкованию значения лексемы собирателями могут являться также плохое знакомство собирателя с некоторыми реалиями быта диалектоносителя и различное членение семантического пространства на базе диалекта и литературного языка, то есть несоответствие идеографической сетки собирателя идеографической сетке диалектоносителя.

Таким образом, при анализе диалектной семантической системы необходимо учитывать следующие особенности объекта исследования: подвижность анализируемой системы как способ ее существования, увеличение динамики системы с расширением

исследуемой территории и наличие трудностей, связанных с правильностью вычленения собственно языковой информации при полевом сборе, а следовательно, возможность появления некорректных дефиниций, неадекватно отражающих собственно языковое значение или даже фиксирующих оттенки смысла вместо значений.

Анализ диалектной семантики с точки зрения системного подхода в отечественной лингвистике впервые был осуществлен Н.И.Толстым. В работе «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» автором были даны теоретические обоснования системного подхода при семантических исследованиях, предложена методика исследования микросистем, проиллюстрированная анализом семантического микрополя 'дождь', 'погода', 'время', 'год', 'час' по целому ряду микрорегионов, намечены основные линии развития представленного подхода¹.

Один из главных тезисов работы связан с важностью правильного определения объема понятия при формировании семантического микрополя, что, по мнению автора, возможно только в условиях микрорегиона, поскольку при работе с конкретным словом в условиях макротерритории подача дефиниции идет в русле «инвариантизации» значения, которая может привести к игнорированию целого ряда признаков, релевантных на отдельных микротерриториях². Именно так, по мнению автора, строятся областные словари, содержащие материал по значительным территориям, что делает невозможным их применение при системном семантическом подходе, поскольку «исследования такого типа представляют собой инвентарь разрозненных лексем вне какой-либо системы, взаимного соотношения и более или менее точного территориального соотнесения, инвентарь, реально не существующий ни в одном из ... диалектов»³.

Методика работы автора заключается в реконструкции семантических микрополей определенных микротерриторий. В своем подходе исследователь базируется на принципах описания фонологических систем. Сначала выявляется общий набор дифференциальных признаков, по которым могут различаться семемы микрополя, затем строится универсальная семантическая сетка. Поскольку дифференциальные признаки определяются (в соответствии с фонологическими описаниями) наличием оппозиций, то общий набор дифференциальных признаков «выявляется в результате установления альтернатив во всех исследуемых диалектах... Опорной моделью обычно, как и в фонологии, служит конкретная диалектная модель с максимальным набором ДП, к которой в случае необходимости могут быть добавлены ДП из других диалектов». Далее определяется реальный набор семем и распределение лексем для каждого микрорегиона. Затем сетки микрорегионов сравниваются между собой.

Такой подход позволяет, с одной стороны, решать чисто структурные задачи по выявлению всевозможных конфигураций микрополей, с другой же стороны, поскольку анализ ведется по микрорегионам, за реконструированными фрагментами семантических систем стоят реальные представления диалектоносителей, что дает выход к проблемам, связанным с функционированием систем.

Удачность сочетания разнонаправленных подходов обусловлена анализом систем в условиях микротерриторий. При работе исследователя с лексическим материалом макрорегиона описанные выше особенности диалектной семантической системы проявляют

¹ См.: Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопр. языкознания. 1963. № 1. С. 29–46.

² См.: Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

себя в гораздо большей степени, что усложняет процедуру анализа. Тем не менее выработка методик анализа семантических систем, соотносимых с макрорегионами, кажется необходимой хотя бы потому, что большинство находящихся в распоряжении лингвистов диалектных словарей ориентировано на значительные по охвату территории.

Продуктивным опытом анализа диалектной семантической системы, соотносимой с макротерриторией, является работа Л.Г. Невской, в которой объектом исследования являются данные нескольких литовских диалектов¹. В той части исследования, где осуществляется семасиологическое изучение материала, автор опирается на рассмотренную ранее методику анализа микросистем Н.И. Толстого, выявляя все возможные дифференциальные признаки лексем путем попарного сравнения исследуемых терминов друг с другом. В результате выстраивается семантическая модель (аналог идеографической сетки), в полном объеме отражающая возможные для данной терминосистемы семантические оппозиции, однако она носит общий, наддиалектный характер и не может считаться изоморфной представлениям диалектоносителей, поскольку в этом случае сравниваемыми часто оказываются семемы, функционирующие на разных микротерриториях, и признак, определившийся в результате такого сравнения как дифференциальный, может в реальности таковым и не являться.

Думается, что подобный подход вполне правомерен, однако он ориентирован не столько на выявление понятийной системы в плане ее функционирования, то есть в связи с носителем языка, сколько на экспликацию набора принципиально возможных семантических множителей, способных различать значения слов определенной терминосистемы, и областей их появления в пространстве понятийного поля, т.е. решает чисто структурные задачи. При этом вопрос о разграничении значения и смысла, очень важный при работе с диалектным материалом, становится не столь актуальным, так как, во-первых, в центре внимания оказывается коррелятивный признак, а не объем понятий коррелянтов, во-вторых, значительная величина массива материала, на котором выстраивается система оппозиций, снижает вероятность того, что предполагаемый коррелятивный признак окажется нерелевантным компонентом значений, и в-третьих, даже если нерелевантный признак займет место коррелятивного, это не будет грубым нарушением структуры, поскольку в этой части системы можно прогнозировать с большей или меньшей долей вероятности появление реальной оппозиции (в силу наличия по крайней мере двух лексем, в значениях которых этот признак получил отражение).

Проблемы такого рода возникают и в практике составления диалектных идеографических словарей (или просто идеографических классификаций диалектного материала), охватывающих говоры достаточно широкой территории. Обычно результатом подобного подхода становится наддиалектная, суммарная семантическая модель, вобравшая в себя все значения, зафиксированные на соответствующей территории. Такая «наддиалектность» вполне оправдывается в целом ряде случаев, например, когда за суммой семантических фактов можно увидеть старую систему, сохранившуюся лишь фрагментарно на разных территориях. Так, О.В. Востриков в работе, посвященной проблемам создания диалектного идеографического словаря русских говоров Среднего Урала, в качестве подобных примеров приводит группу системно связанных слов со значением 'прошлогодний сезон' (*зимусь, вёснусь, летось, осенесь*), которая сформировалась толь-

¹ См.: Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология: (К семантической типологии). М., 1977.

ко благодаря сопряжению данных, зафиксированных на разных территориях¹. Однако во многих случаях подобная наддиалектная сумма фактов далека от какой бы то ни было (бывшей или настоящей) реальной семантической системы. Парадокс заключается в том, что в большинстве случаев задачей идеографической классификации является именно экспликация закрепленных в диалекте представлений о членении действительности, а собственно структурные цели, при которых адекватность реконструированной модели реальным представлениям диалектоносителя не является необходимым условием, обычно не преследуются. Актуальной, таким образом, оказывается задача устранить несоответствие целей и приемов при исследованиях такого рода.

При рассмотрении в аспекте функционирования, то есть в связи с носителем языка, семантической системы, соотносимой с определенной макротерриторией, кажется полезным применить иные принципы ее построения. На любой исследуемой макротерритории выделяется целый ряд микрорегионов, каждый из которых обладает специфическими языковыми особенностями, в частности своеобразной семантической системой. Однако в большинстве случаев подвергаемая исследованию макротерритория выделяется как особый регион в силу наличия некоей исторической, географической, социальной и пр. общности, что позволяет все же предполагать единую базовую систему понятий и сходство внутрисистемных процессов для всего региона (естественно, при наличии некоторых частных особенностей).

Как уже говорилось, при анализе семантической системы, функционирующей на макротерритории, нет никакой уверенности, что выявленный по лексическим данным набор оппозиций будет адекватен реальным представлениям диалектоносителя, так как сравниваемыми оказываются лексемы с разных участков территории. В силу этого думается, что первоначально акцент при анализе материала следует делать на выявлении объема понятий и на формировании корпуса семем; определение же семантических оппозиций может быть лишь следующим шагом исследования. В идеале такая постановка проблемы связана на начальном этапе исследования с лексикографической обработкой полевых материалов, поскольку определение объемов понятий анализируемых лексем требует выявления релевантных и отсеивания нерелевантных семантических характеристик.

Представленная далее методика реконструкции семантической системы возникла в ходе анализа лесной терминологии говоров Архангельской и Вологодской областей. Основным источником материала стала лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета, использовались также данные словарей, содержащих лексику исследуемого региона: «Словаря русских народных говоров», «Архангельского областного словаря», «Словаря вологодских говоров» и др.

В ходе лексикографической работы использовалось понятие релевантной семы, сформулированное Н.И. Толстым, но несколько измененное в соответствии с принятым подходом. Согласно Н.И. Толстому, «семантический дифференциальный признак считается релевантным для данного диалекта (языка), если при его выражении выступает отдельная лексема»², то есть релевантный признак – это тот, ради которого существует слово. Для Н.И. Толстого в этом случае, помимо всего прочего, важно было включение слова в семантическую оппозицию, выстроенную на базе релевантного признака. Но, как известно, семантическая система намного менее жестка и строга, чем другие уров-

---

¹ См.: *Востриков О.В.* Идеографический словарь русских говоров Среднего Урала // Уральский лексикографический сборник. Свердловск, 1989. С. 13.

² *Толстой Н.И.* Указ. соч. С. 37.

ни языка, например система фонем, поэтому далеко не для всех семем в языковой реальности существует четкий набор оппозиций. Это связано с тем, что семантика очень подвижна, а «наивная» классификация мира происходит далеко не на логических основаниях: как показывают разнообразные исследования в области антропологической лингвистики, действительность часто классифицируется языком «по разным основаниям», не каждому выделенному понятию находится противоположное, не каждому разработанному в языке понятийному полю соответствует разработанное «анти-поле». Это позволяет предполагать, что для релевантного признака не обязательно наличие реальной оппозиции в лексической системе. Думается, что такое понимание не мешает считать релевантные признаки теми признаками, ради которых существует лексическая единица.

Так, по-видимому, в значении 'труднопроходимые заросли мелкого леса, кустарника' сема 'труднопроходимые' является одной из тех, ради которых существует лексическая единица, поскольку она оказывается представленной в значении всех лексем, называющих данную реалию, и именно на ее базе формируется типичный контекст, в котором отражается рассматриваемое понятие. Однако «легкопроходимых» зарослей не фиксируется, несмотря на то, что в реальности есть заросли, проходимые с большей или меньшей степенью трудности. Подобная же «семантическая асимметрия» наблюдается, например, в лексике, отражающей ориентацию лесного локуса относительно жилья, населенного пункта: семантика 'дальний, неосвоенный лес' получает выражение в целом ряде лексем, семантика же 'ближний, близкий к жилью лес' не обнаружила собственных репрезентантов среди рассмотренного материала¹.

Тем не менее прием выстраивания семантических оппозиций использовался в качестве методического при выявлении значений лексем. Набор значений каждой лексемы формировался следующим образом. По полевым материалам выявлялись релевантные семы, то есть те, ради которых существует лексическая единица. Релевантность сем проверялась методом «от противного»: ставился вопрос, может ли рассматриваемая лексема быть использована для передачи значения (не обязательно реально существующего в системе диалекта), в котором предполагаемый релевантный признак утрачивается или заменяется другим, например, может ли лексема *едома* 'д а л ь н и й, большой, глухой лес' называть лесной массив, расположенный в б л и з и населенных пунктов, или *чапыжник* 'труднопроходимые заросли м е л к о г о леса, кустарника' обозначать в ы - с о к и е заросли, то есть глухой, дремучий лес. Ясно, что для действительно релевантного признака предполагается ответ «нет». (Это устанавливается с опорой на характер и частотность дефиниций, контекстную верификацию и интуицию лексикографа.) Таким образом, понятие релевантность связывается нами с «потенциально» существующей оппозицией, которая не всегда находит отражение в языковой реальности.

Следующий шаг исследования связан с формированием набора самостоятельных значений лексемы. Для этого семы предположительно разных значений сравнивались между собой. Одинаковые (если такие находились) отсеивались, а на различающие обращалось особое внимание: если они не оказывались способными образовывать оппозицию, то есть представляли разные понятийные сферы, то считалось, что предполагаемая разница в значении действительно существует. Если выявлялась привативная оппозиция

¹ В принципе, такое понимание термина «релевантный» соответствует принятому нетерминологическому его значению 'существенный', однако, как нам кажется, подробный анализ термина позволяет четче очертить его границы.

– предполагалось, что это одно значение лексемы (в большинстве случаев оно оказывалось более широким). Оппозиция пересечения указывала на то, что материал требует проверки. Естественно, что необходимость в таком подходе возникает при совпадении ареалов предположительно разных значений.

Вопрос о совпадении ареалов напрямую соотносится с вопросом о границах говора или границах микрорегиона и не может решаться без учета угла зрения на объект исследования. При строгом следовании «микрорегиональному» подходу представление о системе отдельного говора может быть сужено вплоть до системы отдельной языковой личности. При подходе «от макротерритории» исследователь, на наш взгляд, имеет возможность работать в других координатах. Поскольку анализируется система большой территории и задачей является поиск общих для всей системы характеристик и тенденций, думается, что можно не учитывать частные смысловые сдвиги, то есть такие, которые характеризуются точечным ареалом и малым, близким к единичному, количеством фиксаций. В силу этого ареалы считаются совпадающими, если внутри ареала одного значения лексемы выделяется точечный ареал с другим значением при малом количестве фиксаций последнего или если ареалы двух предполагаемых значений полностью накладываются друг на друга (то есть оба значения регулярно записывались на одной и той же территории). При этом смысловые оттенки, не получившие статуса самостоятельного значения, также могут фиксироваться и в случае своей повторяемости будут указывать на тенденции развития семантической системы.

В качестве иллюстраций можно обратиться к следующему материалу: зафиксированная в Кичменгско-Городецком и Великоустюжском районах Вологодской области лексема *варахта* представлена тремя значениями: ‘застывшая на стволе смола хвойного дерева; натек смолы’; ‘крепкое смолистое дерево, крепкий, смолистый лес’; ‘валежник’. Если устранить общие для разных значений семантические компоненты ‘дерево, деревья’ и ‘смола’, то останутся ‘застывший натек’, ‘крепкое (дерево, лес)’, ‘поваленное (дерево, лес)’, явно относящиеся к разным семантическим сферам и не способные образовать оппозицию.

С другой стороны, если с одной и той же территории имеется двадцать фиксаций слова *согра* в значении ‘болото. поросшее лесом’ и три фиксации *согра* ‘болото’, то логично предполагать, что дефиниция ‘болото’ неточно передает языковое значение. При отсеивании общего компонента ‘болото’ получаем привативную оппозицию ‘всякое, любое (болото)’ – ‘поросшее лесом (болото)’. Наличие оппозиции указывает на невозможность существования двух значений одновременно, поскольку слово в этом случае теряет свою смысловоразличительную функцию. Выбор значения производится с учетом количества фиксаций и семантики, представленной на соседних территориях. Появление в полевых материалах «неточного» значения может объясняться как ошибкой собирателя, так и отражением живых семантических процессов (при системном характере таких «неточностей»).

Оппозиция включения предполагает обычно актуализацию при употреблении какого-либо денотативного компонента; если на базе этого актуализированного компонента произошло дальнейшее семантическое развитие, то промежуточная семантика выделялась в значение. Так, в Вельском и Верхнетоемском районах Архангельской области *согра* зафиксирована с семантикой ‘поросшее лесом болото’; ‘возвышенное место на болоте, поросшее невысоким лесом’; ‘обрыв, высокий берег реки’. Ясно, что появление второго значения связано с актуализацией денотативного компонента ‘более сухой, более высокий участок’, поскольку для таких участков заросли характерны в большей сте-

пени, однако развитие на базе второго значения третьего компонента цепи говорит о необходимости выделения всех трех значений в качестве самостоятельных.

Если же лексема *согра* зафиксирована на одной и той же территории как 'чистое болото' и 'поросшее лесом болото', то есть в значениях, вступающих в оппозицию пересечения, то такая ситуация требует проверки: предполагать оба значения на одной территории невозможно в силу их энантиосемичности, а отсюда – утраты в такой ситуации у лексемы смысловоразличительной функции и нейтрализации семантической оппозиции¹.

На базе сформированного таким образом набора значений должна быть построена идеографическая сетка, каждая идеограмма (понятие) в которой будет представлена набором репрезентантов.

Однако в силу того, что исследуется семантическая система, функционирующая на макротерритории, при построении идеографической сетки не должны учитываться некоторые частные семантические характеристики:

1) во-первых, если их релевантность обнаруживается лишь в условиях конкретного микрорегиона и не носит системного характера, то есть в нашем случае не подтверждается другими данными;

2) во-вторых, если они не могут быть экстраполированы на всю макротерриторию из-за различающихся по микрорегионам оснований членения действительности, даже если релевантность таких характеристик подтверждается другими данными (например, основания для классификации типов покрытых лесом возвышенностей различны на разных территориях региона, поэтому их подробная классификация по данным макротерритории будет далека от реальных семантических связей).

В таких случаях лексемы либо вообще могут не приниматься во внимание (1-й случай), либо должны соотноситься при классификации с более общим понятием, что сохраняет возможность выявления тех семантических областей, для которых характерно развитие дифференциальных признаков, своих в каждом микрорегионе (1-й и 2-й случаи).

При таком подходе в центре внимания оказывается не суммированный по данным всех микрорегионов наддиалектный набор семантических фактов, безусловно структурированный, но оторванный от реального носителя диалекта, а распространяющаяся на весь исследуемый регион семантическая система, предположительно более адекватная представлениям диалектоносителя, точно так же, как система языка более адекватна представлениям его носителей, нежели сумма всех существующих идиолектов.

При этом, поскольку предполагается, что набор идеограмм достаточно устойчив и неограничен, хоть и открыт, а в качестве элементов семантической системы берутся лишь факты, получающие системное подтверждение, возникает возможность обходить ошибки собирателей, связанные с неточной фиксацией языкового значения лексемы. Так, например, если среди двадцати исконных лексем, называющих сухостой, семнадцать имеют значение 'сухой, засыхающий лес', а три – только 'сухой лес', то скорее следует предположить, что у трех лексем значение было зафиксировано неточно, чем говорить о возможности сосуществования в исконной идеографической сетке двух понятий 'сухой, засыхающий лес' и просто 'сухой лес'.

Итогом реконструкции становится семантическая система, которую составляют понятия, распространенные предположительно на всей исследуемой территории. Каждое

¹ На невозможность энантиосемии в пределах одного говора, одной семантической системы указывал Н.И. Толстой – см.: Толстой Н.И. Указ. соч. С. 44.

понятие представлено набором лексем-репрезентантов, зафиксированных на тех или иных участках исследуемой макротерритории. В большинстве случаев система представлена реально функционирующими понятиями, отраженными в дефинициях анализируемых лексем, например, такими, как 'лес на болоте', 'труднопроходимые заросли мелкого леса, кустарника', 'высокий лес', 'дальний, большой, глухой лес' и т.д. Однако в некоторых случаях происходит отход от реального понятия к понятию более общего уровня. Это, как уже говорилось, связано с невозможностью систематизировать значения на более высоком уровне, то есть с учетом большего числа дифференциальных признаков, из-за сильного варьирования последних по микротерриториям или из-за их плохой прописанности в дефинициях полевых материалов. На наш взгляд, остановка в таких случаях на уровне более обобщенного понятия вполне оправдана (несмотря на возможное отсутствие последнего в сознании диалектоносителя), поскольку это снижает вероятность исследовательского произвола. При выходе в таких случаях за пределы обобщенного понятия, увеличивается вероятность ошибки, поскольку исследователь лишен возможности подтвердить свою реконструкцию повторяемостью фактов. При анализе обобщенного понятия исследователя от реального положения дел отделяет лишь шаг, при этом понятно, что реальность на данном этапе трудновосстановима, так как дифференциальные признаки плохо систематизируются, однако семантические области, к которым относятся эти признаки, известны, а сами признаки легко прогнозируемы. Так, уже отмечалось, что на рассматриваемой территории не удалось выявить единую классификацию покрытых лесом возвышенностей: в одном микрорегионе релевантным оказывается компонент 'узкая, вытянутая', в другом – 'круглая', в третьем – 'высокая' и т.д., при этом сами признаки очень часто плохо прописаны, что, на наш взгляд, связано прежде всего с типичной ситуацией сбора, когда интерес собирателя направлен на отдельные лексемы, а системные отношения фиксируются лишь по ходу дела. В таких условиях логично закончить реконструкцию на этапе обобщенного понятия 'лес на возвышенности'. При этом семасиологический анализ выявляет, что в рассматриваемом понятийном поле на микротерриториях следует ожидать появления дополнительных дифференциальных признаков: это следует, например, из дефиниций, представленных в полевых материалах, а также из различий в семантических корреляциях репрезентантов: например, в дефинициях лексем *веретье*, *гребень*, *грём* присутствует признак 'узкая, вытянутая', а наличие перехода 'лес на возвышенности' ↔ 'островок леса' лишь у части репрезентантов позволяет предполагать актуальность признака 'размер'. Получается, что хоть конкретные понятия и неизвестны, но известен их вероятностный набор.

Думается, что описанный подход достаточно продуктивен, так как позволяет использовать различные исследовательские приемы в ходе дальнейшей работы с уже структурированным материалом: основной единицей анализа при таком подходе становится набор лексем, репрезентирующих определенное понятие, который может рассматриваться как лексико-семантическая группа, как полевая структура и как репрезентация понятийной категории. В результате появляется возможность выявить набор релевантных сознанию диалектоносителя характеристик понятия; место понятия в семантической системе с учетом всех его связей; способы организации семантических пространств, их наполненность и структуру; механизмы семантических сдвигов; свойства объекта, «замечаемые» субъектом при номинации и пр. При этом реконструированная модель отражает потенции семантического развития, то есть учитывает такой фактор, как динамику системы, поскольку позволяет выявить не только реальные, уже сложившиеся семантические связи, но и смысловые сдвиги. Последние прослеживаются при сопоставлении,

во-первых, целого ряда дефиниций, соотносимых с одной идеограммой, и, во-вторых, семантических переходов у репрезентантов одной идеограммы.

При реконструкции семантической системы описанным способом исследователь старается отразить объективно существующую структуризацию семантического пространства. И все же любая реконструкция представляет собой определенную модель описания под определенным, выбранным исследователем углом зрения, модель, которая лишь стремится приблизиться к реальному положению дел, но никогда не является ему изоморфной. Очень вероятно, что не во всех частях исследуемого региона вся идеографическая сетка будет заполнена, однако можно предполагать, что реконструируемые связи между понятиями сохраняются на всей территории, точно так же, как и все выявляющиеся в ходе анализа семантические процессы и движения. Реконструируемая модель оказывается неким аналогом идеального газа в физике – идеализированной моделью реальной системы, моделью, которая позволяет выявлять механизмы протекания различных процессов. Построение общей системы оправдывается еще и тем, что многие диалектные факты, как известно, утеряны: отсутствие определенного понятия на какой-то территории и наличие его на соседних при исторической общности всего региона во многих случаях может говорить не о лакуне в семантической системе, а об утрате диалектных фактов или неполноте сбора.

Е. В. Лысова

ЗАМЕТКИ ПО ОРНИТОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье рассматриваются русские наименования водоплавающих птиц из отряда утиных, зафиксированные на территории Русского Севера. Внимание к тематической группе «утки» вызвано следующими причинами.

Данная группа представляет интерес для исследований этимологического характера, при проведении которых следует учитывать, что лексический диалектный слой на территории Русского Севера сложился на базе русского языка с включением финно-угорских заимствований. Базовый русский лексический слой неоднороден: часть фактов попала в регион вместе с языком пришельцев, часть была образована непосредственно в период проживания на территории. Кроме того, язык прошлого русского населения, помимо исконных образований, включал в себя лексические единицы, заимствованные из других неславянских языков. Смешение такого неоднородного языкового континуума с новым слоем заимствований из финно-угорских языков, функционирующих в изучаемом регионе, привело к образованию сложной лексической системы. В результате на территории Русского Севера в разное время зафиксировано большое число лексем, этимологизация которых не приводит к успешным результатам (ср. частую этимологическую помету М. Фасмера «неясно»).

«Неясность» этимологического признака, положенного когда-то в основу номинации, вызвана многими причинами. Существуют случаи, когда слово обладает особой этимологической валентностью: в ходе функционирования под воздействием различных